

УДК 398.22 (=512.157) (=513.31)
DOI 10.17223/18137083/68/2

А. Ф. Корякина

Северо-Восточный федеральный университет, Якутск

**Мотивы одноименных олонхо
«Нюргун Боотур Стремительный»:
устойчивость, вариативность, импровизация**

Проводится сравнительный анализ сюжетных мотивов одноименных якутских героических эпосов «Нюргун Боотур Стремительный» олонхосутов К. Г. Оросина, Н. Я. Татарина, Г. Е. Слободчикова и Н. Н. Шестакова с целью выявления в них устойчивых, вариативных мотивов и определения их функций в процессе сложения новых вариантов одноименных олонхо. Рассматриваются устойчивые традиционные свойства и подвижные компоненты в олонхо, а также создание новых вариантов олонхо на основе сочетания традиции и импровизации.

Ключевые слова: героический эпос-олонхо, олонхо о защитниках племени айыы, варианты олонхо, устойчивые и неустойчивые мотивы, вариации мотивов, творчество сказителя.

Признанное ЮНЕСКО «шедевром устного и нематериального наследия человечества» (25 ноября 2005 г.) олонхо – уникальный памятник устного народного творчества якутов, передававшийся из поколения в поколение на протяжении веков сказителями-олонхосутами (и профессионалами, и любителями). Сегодня трудно установить, сколько бытовало олонхо по всей Якутии. «Прежде в любом наслеге (якутском селе) жило несколько олонхосутов. И каждый из них имел в своем репертуаре несколько (иногда десятки) олонхо» [Пухов, Эргис, 1985, с. 545]. Известно, что в 1941 и 1946 гг. экспедиция Научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 13 регионах республики зарегистрировала 83 олонхосута и 396 олонхо [Эргис, 1974, с. 181]. Память народа сохранила имена легендарных олонхосутов: Т. В. Захарова-Чээбия и Е. Е. Ивановой из Амгинского, С. А. Зверева из Сунтарского, И. И. Бурнашева-Тонг Суоруна и Н. А. Абрамова-Кыната из Мегино-Кангаласского, Д. М. Говорова из Усть-Алданского улусов и многих других. Народ с упоением слушал олонхо знаменитых исполнителей. Как верно заметил В. Н. Иванов, «впечатление, которое произ-

Корякина Антонина Федоровна – кандидат педагогических наук, ученый секретарь научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677013, Россия; aitalilen@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 3
© А. Ф. Корякина, 2019

водил олонхосут на слушателей, было неповторимым... исполнение олонхо всегда вызывало восхищение» [Иванов, 2014, с. 9].

Олонхо, как и другие эпосы мира, в сюжетной структуре, композиционном строе, образной системе, поэтическом языке имеет свои «прочно сложившиеся сюжеты, мотивы и образы, постоянные стилистические формулы, эпитеты, сравнения, фразеологические обороты» [Жирмунский, 1974, с. 89], которые передаются устно в неизменном виде и которые должен усвоить олонхосут. Кроме перенятия устойчивых канонических текстов олонхо, овладения «сильным чувством текстуальной стабильности», олонхосут еще и должен уметь «варьировать свой текст от исполнения к исполнению» [Райхл, 2008]. Только тогда он в совершенстве будет владеть техникой эпического сказывания и тогда он будет настоящим сказителем. Уникальность появления новых эпосов, в том числе якутского олонхо, в том, что «все сказители используют традиционный материал традиционным образом, однако не существует двух сказителей, которые использовали бы абсолютно идентичный материал, и притом совершенно одинаково» [Лорд, 1994, с. 103].

Нас интересует сочетание устойчивых традиционных свойств и подвижных компонентов в олонхо. «Для того, чтобы изучить, каким образом певец продолжает традицию – сохраняет, расширяет, обновляет или искажает ее, – полезно будет сравнить его вариант эпической поэмы с вариантами других певцов, предпочтительно принадлежащих к различным поколениям» [Райхл, 2008, с. 230]. В данной статье проводится сравнительный анализ сюжетных мотивов одноименных олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» олонхосутов К. Г. Оросина, Н. Я Татаринова, Г. Е. Слободчикова-Тэлээркэ, Н. Н. Шестакова-Суутта с целью определения в них устойчивых и вариативных мотивов и установления их функций в процессе сложения новых вариантов олонхо с одним названием. Ранее данная проблема в якутской фольклористике специально не изучалась.

В своем исследовании мы опирались на теоретические положения ученых-фольклористов П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, А. М. Астаховой, М. Пэрри и А. Лорда, В. М. Жирмунского, К. Райхла, Б. Н. Путилова, а также якутских фольклористов Г. У. Эргиса, И. В. Пухова, Н. В. Емельянова.

Касаясь проблем сложения эпоса, вариативности эпического текста, исследователи говорили об импровизации как характерном качестве сказительского искусства. Наблюдение о том, что «у каждого сказителя заметно его личное влияние на склад былины: он вносит в нее свой характер, любимые слова, поговорки», одним из первых высказал П. Н. Рыбников [1989, с. 72–78].

А. Ф. Гильфердинг, работая над проблемой формирования сказительского искусства, выступил как автор положения о двух составных частях эпического текста – местах типических и переходных [Гильфердинг, 1949, с. 56–57]. Хотя отдельные утверждения исследователя в дальнейшем подвергались сомнениям, поправкам и уточнениям, идея двух составных частей былинного текста используется в эпосоведении и в наше время.

В своем исследовании мы опирались на классификацию А. М. Астаховой, изучившей художественное содержание вариантов русских былин и выделившей «три основные категории – по тому, как они воспринимают, а затем воссоздают былины»: 1) сказители, «перенявшие тексты совершенно или почти точно и в таком же виде их передающие»; 2) те, кто усваивали лишь «общий остов» былины и путем отбора «типических» мест и свободного создания «переходных» вырабатывали собственный, постоянный текст, который в дальнейшем оставался в основном неизменным и варьировался лишь в деталях; 3) сказители-импровизаторы, которые запоминают «лишь сюжетную схему по преимуществу», но «не создают постоянного текста, а каждый раз меняют его, пользуясь всем

арсеналом сюжетов, эпизодов, мотивов, образов, формул, которыми они владеют» [Астахова, 1938, с. 71].

По положению М. Пэрри и А. Лорда, именно благодаря наличию богатого фонда формул и гибкому владению ими, певец мог воссоздавать эпос в ходе исполнения. М. Пэрри и А. Лорд включили в каноны теории устной традиции понятие эпической формулы, которую характеризуют как «группу слов, регулярно используемую в одних и тех же метрических условиях для выражения данной основной мысли» [Лорд, 1994, с. 151].

Карлом Райхлом высказано мнение о том, что сказителей можно разделить на две большие группы – «творческих» и «воспроизводящих» певцов: «Понятие “творческий певец” в разных традициях имеет свои значения и оттенки, но, кажется, в большинстве случаев подразумевается, что певец способен создавать “новую” песню, так же как добавить новую главу к эпическому циклу и приспособить исполнение эпической поэмы к запросам слушателей. Дать определение “воспроизводящему” певцу еще труднее. Некоторых сказителей можно назвать “воспроизводящими” в том смысле, что они усвоили эпос в определенном виде и придерживаются этого текста как выученного наизусть стихотворения, но в то же время они могут исполнять более короткие “импровизированные” песни. В других случаях термин “исполнитель” может просто означать, что певец обладает сильно развитым чувством текстуральной стабильности, но в действительности варьирует свой текст от исполнения к исполнению благодаря владению техникой эпического сказывания» [Райхл, 2008, с. 169].

В. М. Жирмунский обнаружил в исполнении певцов одного и того же сюжета текучесть текста и наличие значительных различий, творческих вариантов. Ученый доказал, что певец импровизирует, сохраняя определенный сценарий, в котором постоянными являются, кроме последовательных эпизодов и ситуаций, прежде всего традиционные «общие места» (седлание коня, богатырская скачка, описание битв и т. д.) [Жирмунский, 1974, с. 635].

В работах Б. Н. Путилова исследуется искусство сказителей на материалах повторных записей от одного и того же певца или нескольких лиц. Ученый дал необходимую точную формулировку импровизации, которой пользуются сказители: «Если сказитель не просто повторяет заученное, но воспроизводит усвоенное им сказание в границах эпической традиции и при этом как бы заново создает текст, – это считается импровизацией» [Путилов, 1997, с. 115].

В якутской фольклористике впервые на вопросы рождения разных вариантов олонхо обратили внимание И. В. Пухов и Г. У. Эргис: «...Сюжеты эпоса “текучи”: они свободно переходят из одного сказания в другое, не являясь достоянием лишь одного из них. Одно и то же олонхо можно сократить при сказывании, опустив многие детали, подробности описания и даже целые разделы сюжета, или развернуть шире, добавив из других олонхо новые сюжетные линии, описания и детали, чем широко пользовались олонхосуты, сокращая или расширяя сказание в зависимости от обстановки и требований слушателей. Этим же объясняются и различия в объеме даже одного какого-то произведения, записанного от одного и того же олонхосута в разное время» [Пухов, 1985, с. 546]. Г. У. Эргис, анализируя вариативность сюжетов у разных олонхосутов, пришел к выводу, что олонхосут в момент исполнения может свободно излагать события, варьировать отдельные эпизоды, следуя поэтическому вдохновению, он может вносить новые эпизоды, по-новому мотивировать отдельные поступки героя и раскрывать новые черты характера героя и т. д. [Эргис, 1974, с. 184].

В своем исследовании мы использовали труды Н. В. Емельянова о сюжетах олонхо [Емельянов, 1980].

Среди самых распространенных и любимых якутским народом эпических сказаний олонхо «Нюргун Боотур» занимает особое место. Прославленный госу-

дарственный и общественный деятель якутского народа, один из зачинателей якутской литературы, первый из якутов ученый-лингвист П. А. Ойунский, который с малых лет занимался сказительством и был прекрасным знатоком олонхо, воссоздал грандиозное по размаху, восхитительное по богатству поэтического языка творение – олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» [Ойунский, 1975].

Сегодня невозможно определить первоначальную родину олонхо «Нюргун Боотур». Как отметил Г. У. Эргис, олонхо о Нюргун Боотуре было наиболее популярно на территории бывшего Ботурусского улуса. Данные слова подтверждаются профессором В. В. Илларионовым: «Олонхосут И. М. Давыдов при беседе с Г. У. Эргисом сообщил, что олонхо “Нюргун Боотур” стало популярным благодаря исполнению Килээмпиром (легендарный олонхосут Киляпиров Николай Васильевич был родом из Ботурусского улуса), которого несколько раз слушал К. Г. Оросин, записавший один вариант этого олонхо» [Илларионов, 1982, с. 27]. Есть воспоминание самого К. Г. Оросина о том, что олонхо о Нюргуне он слышал еще в юности от одного олонхосута соседнего Жулейского наслега и запомнил его во всех подробностях вследствие того сильного впечатления, которое оно на него тогда произвело. Как свидетельствуют анкетные данные, от него унаследовали традицию сказительства олонхосуты И. В. Винокуров-Табахыров, Н. Малгин, А. Татаринцов, которые сказывали олонхо «Нюргун Боотур».

Все четыре сказителя, олонхо которых нами исследуются, родом из разных улусов: Константин Григорьевич Оросин (1858–1903) – из Игидейского наслега Таттинского улуса; Григорий Егорович Слободчиков-Тэлээркэ (1859 – ?) – из Нерюктяйского наслега Мегино-Кангаласского улуса; Николай Яковлевич I Татаринцов-Бүчүкү Ньюкууска – из I Соттинского наслега Борогонского (ныне Усть-Алданского) улуса; Николай Николаевич Шестаков-Суутта (1892 – ?) – из Бетюнского наслега Намского улуса [Олонхосуты Якутии, 2013]. Эти данные говорят о том, что олонхо «Нюргун Боотур» было распространено в соседних Таттинском, Усть-Алданском, Мегино-Кангаласском улусах. Кроме этого, оно исполнялось и на более отдаленной территории, о чем говорит его бытование в Намском улусе.

Из многочисленных вариантов олонхо «Нюргун Боотур», по данным Г. У. Эргиса, записано двенадцать. В нашем исследовании мы будем анализировать четыре: два из списка Эргиса – олонхо К. Г. Оросина в самозаписи 1895 г. издано в 1907 г. в «Образцах народной литературы якутов» под редакцией Э. К. Пекарского. Переиздано (Оросин, 1947) и олонхо Г. Е. Слободчикова-Тэлээркэ, записанное Д. И. Дмитриевым со слов олонхосута и опубликованное в 2013 г. (Слободчиков, 2013); и два олонхо (Н. Я. Татаринцова и Н. Н. Шестакова), хранящиеся в Рукописном фонде ИГИИПМНС¹. При этом «Нюргун Боотур» Н. Н. Шестакова записан в кратком изложении, в связи с этим углубленно анализировать его технику сказывания мы не можем.

Главным героем во всех четырех олонхо является богатырь по имени Нюргун Боотур. Рассмотрим традиционно устойчивые мотивы в олонхо «Нюргун Боотур» сказителей К. Г. Оросина, Г. Е. Слободчикова-Тэлээркэ, Н. Я. Татаринцова и Н. Н. Шестакова.

Мотив относится к традиционно устойчивым свойствам фольклора. Традиционно устойчивыми сюжетобразующими мотивами в якутском олонхо являются: мотив поселения небожителями богатыря айыы в Средний мир для защиты людей айыы – жителей Среднего мира от нашествий абаасы-чудовищ; мотив похищения

¹ Дьулуруйар Ньургун Боотур: олонхо. Зап. А. Е. Аржаковым от Н. Я. Татаринцова из Соттинского наслега Усть-Алданского района в 1940 г. // ИГИИПМНС, ф. 5, оп. 8, ед. хр. 72; Нюргун Боотур. Зап. от Н. Н. Шестакова (Суутта) из Бетюнского наслега Намского района в 1941 г. // ИГИИПМНС, ф. 5, оп. 8, ед. хр. 15.

чудовищем девушки племени айыы; мотив сражения богатыря айыы и абаасы; победа богатыря айыы в многочисленных поединках с богатырями абаасы, освобождение плененной женщины; мотив женитьбы богатыря айыы.

Одним из главных сюжетобразующих мотивов всех четырех олонхо является **мотив поселения небожителями богатыря Нюргун Боотура из Верхнего мира в Средний**: будущего богатыря Нюргуна поселяют в Средний мир для защиты племени айыы («родственников божества») от нашествий абаасы – чудовищ из Нижнего мира «чтоб улусы солнечные защитить, чтоб людей от гибели ограждать». Но здесь обнаруживаются некоторые отличия: в олонхо К. Г. Оросина, Н. Я. Татарина вместе с Нюргуном отправляют и его сестру Айталыын Куо, чтобы Нюргун не чувствовал себя одиноким. В вариации Н. Н. Шестакова сестру Нюргун Боотура зовут Кыыс Тыйаарыкы. А в олонхо Г. Е. Слободчикова Нюргун Боотур был спущен один, без сестры. Способ прибытия богатыря в предназначенный ему Средний мир у каждого олонхосута описан по-разному. Нюргуна и Айталыын Куо К. Г. Оросина увозит старший брат Мюлдют Бёгё: «Старший брат детей Мюлдют Бёгё пригнал тяжелое, низкое темное облако величиной с половину большого алааса и загнал на это облако табун лошадей и стадо рога-того скота, а как усадил на него мальчика и девочку с их конем, с их одеждой-снаряжением, так немедленно погнало облако по поднебесью». У Н. Я. Татарина Нюргуна и Айталыын Куо спускает в Средний мир тоже старший брат по имени Бёгюё Бёгё, который превратился в птицу Ёксёкю, посадил на спину брата и сестру, и они полетели в Средний мир. А сестра богатыря Айыы Умсуур посадила на облако выделенный им скот и погнала на запад. В олонхо Г. Е. Слободчикова-Тэлээркэ Нюргун Боотур спущен один, но у него есть также сёстры Айыы Умсуур и Айталыын Куо и старший брат Мёнджют Бёгё. Таким образом, во всех четырех вариантах устойчивым с незначительными изменениями является мотив поселения Нюргун Боотура в Средний мир для защиты племени айыы от нашествий чудовищ-абаасы.

Мотив похищения богатырями-абаасы женщин-айыы является завязкой конфликта богатыря айыы с богатырем абаасы во всех рассматриваемых нами олонхо. Заметим, что И. В. Пухов различает четыре вида основных мотивов, с которых начинаются действия богатырей: нападение богатыря абаасы на семью других людей айыы; нападение абаасы на семью героя; герой отправляется на поиски невесты; герой отправляется на поиски приключений [Пухов, 1962, с. 60–61]. В олонхо К. Г. Оросина, Н. Я. Татарина, Н. Н. Шестакова описывается нападение абаасы на семью героя. При этом мотив одинаков в олонхо К. Г. Оросина, Н. Я. Татарина, в которых первый свой боевой поход Нюргун Боотур совершает во имя спасения своей сестры Айталыын Куо. У олонхосута Н. Н. Шестакова похищение сестры описывается по-другому. Во-первых, Нюргун Боотур освобождает свою сестру по имени Кыыс Тыйаарыкы. Во-вторых, богатырь абаасы появляется не из Нижнего мира: чужая кобылица рождает камень, превращается в девку-абаасы и исчезает, а из камня выходит богатырь абаасы и похищает сестру Нюргуна. Нюргун преследует похитителя и преодолевает все чинимые им препятствия. У Г. Е. Слободчикова богатырь спущен один, но нападение богатыря абаасы на семью других людей айыы стало завязкой в описании боя богатыря айыы с богатырем абаасы: здесь богатырь вступает в бой тоже ради спасения девушек айыы от нежеланных женихов. По развитию сюжетов у К. Г. Оросина Нюргун Боотур, кроме своей сестры Айталыын Куо, спасает и красавицу Кюн Туйаарыма от абаасы Тимир Дъэсинтя. Богатырь Г. Е. Слободчикова спасает Компоруун Куо, Сыралыман Куо, Нюргустай Куо. Герой Н. Я. Татарина освобождает Айыы Куо, Кюн Джэрэлимэн, а Нюргун Н. Н. Шестакова – жену богатыря Лэкэтиря и Юрюнг Юкэстиря.

Мотив сражения богатырей айы и абаасы – один из главных мотивов в якутском олонхо, без которого олонхо немислимо. Эпизоды с этим мотивом даются во всех вариантах «Нюргун Боотур» так красочно, что предстают перед слушателями как живая картина страшных сражений. В описании олонхосутов от битвы богатырей дрожит, колеблется Нижний мир, и богатырям приходится менять место боя. В вариациях отличаются названия местностей, в которых богатыри сражаются с чудовищами. Нюргун Боотур К. Г. Оросина после сражений в Нижнем мире ведет бои на Ытык Хайа (Священной Горе) и Кёмюс Хайа (Золотой Горе) Среднего мира. Бой богатырей на этих горах произвел страшные разрушения в Среднем мире. Его жители пожаловались небожителям и попросили изгнать богатырей из их страны. Джылга Тойон (Распределитель Судеб) приказал богатырям прекратить битву. У Н. Я. Татарина от боя заколебался Нижний мир, богатыри продолжили борьбу на поле битв Чыыстай Буолак (Чистом Поле). Горы, находящиеся вокруг поля, разрушились. Жители этих мест из рода Чунгкур Чураан пожаловались Джылга Хаану, который повелел богатырям биться на острове Огненного моря. Г. Е. Слободчиков-Тэлээркэ описывает сражение Нюргун Боотура и богатыря абаасы Уот Усутаакы сначала у Араат Байхала (Море Арат), потом на каменной горе посредине Огненного озера. Битва продолжилась на горе Хара Джаксылган (Черный Джаксылган). Наконец, стали они биться на спине многоголовой-многорукой Халбас Хара. Здесь Уот Усутаакы начал одолевать богатыря Нюргун Боотура, который, убегая, соскользнул со спины Халбас Хара и упал прямо в Огненное озеро. Дух Араат Байхала – Алара Бётюхчэй, превратившись в пестрого быка, подставил свои рога.

Поединок богатырей айы и абаасы, победа богатыря айы составляют кульминационный мотив в олонхо. Богатыри исследуемых олонхо одолевают в страшных поединках не одного богатыря абаасы: Нюргун Боотур К. Г. Оросина побеждает Тимир Ыйыста, Тимир Джэсиэнтэй, Уот Усутаакы (имена богатырей рода абаасы); Г. Е. Слободчикова – Уот Усутаакы, Ытык Хахайдана; Н. Я. Татарина – Тимир Джиксина, Аан Даадара, восьминогого, двенадцатиголового чудовища, Олуйа Боотура; Н. Н. Шестакова – Хаан Хабыалая, Тимир Джюкюрдяна.

Женитьба богатыря и других главных персонажей (брата или сестры героя) и устройство прочной семьи служат развязкой эпических конфликтов. Мотив женитьбы богатыря присутствует во всех олонхо: Нюргун Боотур К. Г. Оросина женится на богатырке Кыыс Нюргун, с которой зажили в довольстве и стали родоначальниками якутов. В олонхо Н. Я. Татарина в награду за свое спасение богатырь Кюн Туруу выдал замуж за Нюргун Боотура свою сестру Кюн Джэрэлинтэй Куо, они устроили свадебный пир. Через некоторое время Джэрэлинтэй Куо родила мальчика и Нюргун с женой и сыном зажили счастливо и богато. У Г. Е. Слободчикова-Тэлээркэ Нюргун Боотур Стремительный женился на Нюргустай Куо и отправился с женой на родину. Богатырь Нюргун у Н. Н. Шестакова-Суутта женился на Юрюнг Юкэстиир.

Сравнительный анализ мотивов одноименных олонхо «Нюргун Боотур» показал, что в вариантах К. Г. Оросина, Г. Е. Слободчикова, Н. Я. Татарина наиболее устойчивыми являются мотивы поселения небожителями богатыря в Средний мир; похищения богатырями абаасы женщин айы (как завязка конфликта); борьбы богатырей айы и абаасы в трех мирах; победы над богатырями абаасы; женитьбы богатыря. Видно, что олонхосуты держали в памяти традиционный сюжет, выстроенность олонхо. Благодаря этим «традиционно-типическим» (термин В. М. Жирмунского) мотивам сюжет олонхо становится последовательным, стройным, логически ясным, законченным. Устойчивые мотивы составляют сюжетную канву и каркас всех вариантов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» и имеют функцию образования основного сюжета данного олонхо. Но здесь необ-

ходимо заметить, что, сохраняя устойчивые мотивы, олонхосуты как творцы вносят незначительные изменения. Это доказательство того, что устойчивые мотивы в олонхо одного сказителя не являются буквально воспроизводимыми копиями олонхо другого сказителя.

Кроме самых наиболее устойчивых мотивов, вносятся менее устойчивые мотивы, которые по своему усмотрению олонхосут мог опустить или менять.

Мотив коня – древнейший мотив, который присутствует во многих эпосах тюрко-монгольских народов. Для становления богатыря айыи необходимы конь и богатырские доспехи. Конь у богатыря и верный друг, и добрый советчик, и непременный спаситель. В разных олонхо богатырь обеспечивается конем по-разному. Богатырские доспехи специально заказываются у знаменитых кузнецов. Сравним мотив получения коня и богатырских доспехов в олонхо «Нюргун Боотур». В олонхо К. Г. Оросина богатырского коня и полное воинское снаряжение подарили Нюргун Боотуру родители. У Н. Я. Татарина «В одно прекрасное утро разбушевалась буря. Сверху спустился Кююкюрдююр Бёгё с крылатым богатырским конем с переметной сумой. Этот конь был предназначен Нюргуну. В переметной суме оказались богатырские доспехи и вооружение: толстый железный панцирь, рогатая железная шапка, роговой лук и множество стрел» (Дьулуруйар Ньургун Боотур). В олонхо Г. Е. Слободчикова-Тэлээркэ по совету духа-хозяйки земли Кюн Туймаарын Хотуна Нюргун Боотур сам поднялся на небо, и ему Улуу Джылга Тойон отдал богатырские доспехи. У Н. Н. Шестакова Кыыс Дыбарыастай, дочь Нюргун Боотура, спрашивает у духа-хозяйки богатырского коня.

Традиционный мотив живой воды, с помощью которой спасают богатыря айыи, в рассматриваемых нами олонхо существует во всех четырех текстах, но дается в разных вариантах. У К. Г. Оросина, Н. Я. Татарина, Г. Е. Слободчикова-Тэлээркэ сестра Нюргун Боотура Айыи Умсуур удаган исцеляет или оживляет богатыря с помощью божественной влаги илгэ или живой воды. А у Н. Н. Шестакова данный мотив имеет отличие: Нюргун Боотур заставил Джэгэ Бааба найти живую воду, которой оживил Харыалджымаан Мэргэна.

В олонхо К. Г. Оросина, Н. Я. Татарина, Г. Е. Слободчикова, Н. Н. Шестакова в трудные минуты к Нюргун Боотуру спешит на помощь сестра Айыи Умсуур удаган – сестра шаманка. Однако в описании **мотива помощи родственников** обнаруживаются вариации. У К. Г. Оросина, когда падает в море Нюргун Боотур, сестра его Айыи Умсуур спасает его, подставив ему свой бубен. А когда падает богатырь абаасы Тимир Ыйыста, его сестра Ытык Хахайдаан тоже подставляет бубен, но Айыи Умсуур вовремя успевает продуть ее бубен, сделав в нем дыру, чем опять спасает брата. У Н. Я. Татарина Айыи Умсуур удаган предупредила Нюргун Боотура, о том, что во время его сна Тимир Джиксин выпьет живой воды, окропит ею свое тело и обретет невероятную силу. У Г. Е. Слободчикова и Н. Н. Шестакова богатыря айыи спасает тоже сестра шаманка Айыи Умсуур.

Таким образом, в варианты олонхо «Нюргун Боотур» К. Г. Оросина, Н. Я. Татарина, Н. Н. Шестакова внесены мотивы, которые не входят в состав обязательных мотивов олонхо, но часто встречаются в якутских олонхо (получение богатырем коня, спасение людей айыи с помощью живой воды, взаимовыручка родственников).

Мотив купания богатыря с целью очищения, испытания или приобретения могучей силы встречается в трех олонхо: в сказании К. Г. Оросина Нюргун проходит испытание купанием в мертвой воде; Н. Я. Татарина – Нюргун купается в соленом озере; Н. Н. Шестакова – Кыыс Дыбарыастай возносится на небо и купается в беломолочном озере. В олонхо Г. Е. Слободчикова этот мотив отсутствует. Упускается в трех вариантах и **мотив женитьбы богатыря** на су-

женой – девушке-богатырке. Только у К. Г. Оросина Нюргун Боотур женится на женщине-богатырке Прекрасной Кыыс Нюргун, победив ее в состязаниях.

Кроме того, в рассматриваемых нами текстах олонхо, обнаружено введение второстепенных мотивов, которыми в зависимости от мастерства олонхосута дополняются основные сюжеты. В двух олонхо (К. Г. Оросина и Н. Я. Татарина) введен нечасто встречающийся *мотив состязания с неузнанным братом*. В олонхо Г. Е. Слободчикова богатырь о своем происхождении узнает от духа-хозяйки Аал Дууб Мас, а в олонхо Н. Н. Шестакова внук Нюргун Боотура богатырь-юноша Аан Дуурай о судьбе отца узнает от всеведущего старца Сээркээн Сэсэна. Варианты этого ситуативного мотива в якутских олонхо встречаются нечасто и, по всей видимости, считаются второстепенными, дополнительными мотивами. Нюргун Боотуру К. Г. Оросина небесная шаманка Айыы Умсуур дарит волшебную плеть. Богатырь освобождает 39 богатырей Среднего мира от пленения Уот Усутааком – богатыря абаасы. Разрушает волшебный канат Ап Чарая и освобождает богатыря Айыы Дюрагастая. Нюргун Боотур Г. Е. Слободчикова-Тэлээркэ убивает Бабу-Ягу Тимир Тонгсуохайдаан. Богатырка абаасы Ытык Хахайдаан имеет зверей-помощников – ворону и дятла, сама она превращается в медведя, волка и змея. У Н. Я. Татарина Нюргун переправляется на плоту через адское море, расправляется с девками абаасы. Стрела Нюргуна лишает Олуйа детородного органа. Попавшись на хитрость Нюргуна, девка абаасы Уот Чогойдоон освобождает сброшенного в темницу Нюргуна. Дополняя сюжет своего олонхо такими мотивами, сказитель «способен удлинять или укорачивать свое выступление в соответствии с пожеланиями аудитории» [Райхл, 2008, с. 218].

По сюжетной схеме резко отличается олонхо Н. Н. Шестакова. В нем даются «индивидуально-творческие» (термин В. И. Жирмунского) описания богатырских приключений трех поколений богатырей айыы: Нюргун Боотура, его дочери Кыыс Дыбарыастай и ее сына богатыря Аан Дуурая. Дочь Нюргун Боотура выходит замуж за небесного писаря Кустук Даахыйа, которого убивает богатырь абаасы Тимир Хахайдаан. Кыыс Дыбарыастай рождает сына, называет его Аан Дуурай. Узнав о судьбе отца от Сээркээн Сэсэна, юноша-богатырь отнимает у Тимир Хахайдаана тело и воскрешает отца. Кустук Даахыйа и Аан Дуурай вместе побеждают Тимир Хахайдаана, убивают его и возвращаются на родину. Олонхосут при исполнении использует приемы «замены», «перемены порядка», «дополнения» мотивов (термины Карла Райхла). Данный факт говорит о существовавших вариантах, отличающихся от основного варианта олонхо «Нюргун Боотур». При этом устойчивые сюжетные мотивы и образы даются в несколько измененном виде, вносятся новые мотивы. Так в результате сохранения традиций и сочетания импровизации рождается новый эпический текст.

Таким образом, наибольшая традиционность в сюжетообразующих мотивах сохранена в вариантах олонхо «Нюргун Боотур» К. Г. Оросина, Г. Е. Слободчикова-Тэлээркэ и Н. Я. Татарина. По всей видимости, эти олонхосуты представляют второй тип сказителей (по А. М. Астаховой), так как они усвоили «общий остов» эпоса и путем отбора «типических» мест и свободного создания «переходных» вырабатывали собственный, постоянный текст [Астахова, 1938, с. 71].

По сюжетной структуре «Нюргун Боотур» Н. Н. Шестакова отличается от трех других вариантов. В результате перестановки, расширения сюжетов, дополнения мотивов, введения новых героев им создан вариант, не похожий на олонхо К. Г. Оросина, Г. Е. Слободчикова, Н. Я. Татарина. Его произведение состоит из двух частей, где по нескольким сюжетным линиям разворачиваются описания богатырских приключений трех поколений: богатыря Нюргун Боотура, его дочери Кыыс Дыбарыастай и ее сына богатыря Аан Дуурая. Олонхосут Н. Н. Шестаков – выходец из Намского улуса. Можно предположить, что причина отличия сюжетных мотивов в его олонхо кроется в отдаленности Намского улуса от находящих-

ся территориально рядом Ботурусского, Мегино-Кангаласского, Усть-Алданского улусов, в которых создавали свои олонхо К. Г. Оросин, Г. Е. Слободчиков, Н. Я. Татаринев. По типу исполнительства Н. Н. Шестаков относится больше к сказителю-импровизатору, так как, запомнив «сюжетную схему по преимуществу», «меняет его, пользуясь всем арсеналом сюжетов, эпизодов, мотивов, образов, формул, которыми он владеет» [Астахова, 1938, с. 71].

Сопоставляя мотивы вариантов олонхо «Нюргун Боотур», мы обнаружили следующее: по времени записей раньше всех зафиксировано олонхо К. Г. Оросина (1895), а сказания со слов Г. Е. Слободчикова-Тэлээркэ, Н. Я. Татаринова и Н. Н. Шестакова записаны на сорок с лишним лет позже (1941–1942). Очевидно, что из четырех наших олонхосутов первым исполнял олонхо К. Г. Оросин. Это позволяет нам предположить, что местом первоначального очага бытования олонхо «Нюргун Боотур», по всей вероятности, был Таттинский улус. И не исключено, что вариант Г. Е. Оросина, перенятый в свое время у другого олонхосута из своего улуса, стал исходным текстом созданных позже вариантов олонхо Г. Е. Слободчикова-Тэлээркэ, Н. Я. Татаринова и Н. Н. Шестакова.

Обнаруженные во всех четырех олонхо наиболее устойчивые мотивы как главные обязательные составные части сохраняют каркас, ядро основной сюжетной линии олонхо «Нюргун Боотур». Это говорит о том, что законы композиционного построения сюжета распространяются на все варианты олонхо и они строго соблюдаются олонхосутами. Изменения допускаются в плане расширения повествования дополнительными элементами без нарушения построения основного сюжета.

В сказывании олонхосутами некоторые одни и те же мотивы видоизменяются, обретают новую окраску. К примеру, довольно распространенные в эпической традиции мотивы коня, купания богатыря, взаимопомощи родственников даются по-разному, что означает возможность изменения некоторых мотивов в зависимости от творчества олонхосута. В результате создаются вариации мотивов.

В традиционную сюжетную схему каждый олонхосут вносит неустойчивые (ситуативные) мотивы. Например, в олонхо К. Г. Оросина и Н. Я. Татаринова добавляется не очень часто встречающийся в эпической традиции мотив состязания с неузнанным братом. Кроме того, во всех олонхо встречаются творчески индивидуальные мотивы. Такие импровизации олонхосут вносит ради окрашивания содержания своего олонхо, и они, несомненно, дополняют, расширяют сюжет. Все это делается в рамках соблюдения традиций. Благодаря такому расширению текста за счет внесения ситуативных неустойчивых и творческих мотивов создаются новые варианты олонхо. В итоге получается, как у А. Б. Лорда: каждое исполнение представляет собой самостоятельную песню, поскольку каждое исполнение уникально и несет на себе печать поэта-сказителя [Лорд, 1994, с. 15]. По всей вероятности, В. М. Жирмунский был прав, когда писал: «...певец запоминает не связный текст, а как бы сценарий, сюжетную канву, известную последовательность эпизодов и ситуаций, а также традиционные “общие места”, эпические клише... в остальном он создает исполняемый им текст в процессе пения, варьируя его в соответствии с характером аудитории, вводя в него те или иные новые подробности или даже эпизоды» [Жирмунский, 1974, с. 89].

Анализ четырех одноименных олонхо позволяет нам сказать, что сюжетообразующие мотивы в вариантах К. Г. Оросина, Г. Е. Слободчикова-Тэлээркэ, Н. Я. Татаринова больше основаны на традиционных канонах. Н. Н. Шестаков как олонхосут относится к типу певцов-импровизаторов, которые не удовлетворялись заученным текстом, а варьируют его, меняли в зависимости от творческой фантазии, своих индивидуальных взглядов, эстетических вкусов.

Сопоставляя варианты, мы не преследовали цели установления какого-то «сводного» текста или определения лучшего, более полного, канонического ва-

рианта из проанализированных четырех. Перед нами равноправные и равноценные тексты героического эпоса олонхо «Нюргун Боотур». Олонхосуты К. Г. Оросин, Г. Е. Слободчиков-Тэлээркэ, Н. Я. Татарин, Н. Н. Шестаков, мастерски сочетая традиции импровизации с сохранением традиционной канвы приемами «упущения», «замены», «перемены порядка», «дополнения» мотивов [Райхл, 2008], создали уникальные по своей неповторимости олонхо «Нюргун Боотур». При этом «сказитель при каждом исполнении эпоса не только воспроизводит воспринятый им текст с некоторыми неизбежными изменениями, но и создает его по-новому, опираясь на традицию, на константную основу формул» [Николаева, 2016, с. 23]. Другими словами, олонхосут свое сказание каждый раз исполняет по-разному. А другой сказитель, услышавший и перенявший это же олонхо, в пределах соблюдения традиции создает свой неповторимый текст. В результате такой творческой импровизации олонхосутов – носителей эпического знания рождаются вариации олонхо.

Список литературы

- Астахова А. М.* Былины Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1.
- Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1.
- Емельянов Н. В.* Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980.
- Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос: Избр. тр. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.
- Иванов В. Н.* Олонхо – уникальное явление в мировой эпической культуре: Моногр. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2014.
- Илларионов В. В.* Искусство якутских олонхосутов. Якутск: Бичик, 1982.
- Райхл К.* Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура. М.: Вост. лит., 2008.
- Лорд А. Б.* Сказитель. М.: Наука, 1994.
- Николаева Н. Н.* Сказительская импровизация и вариативность в бурятском эпическом тексте (на примере разновременных записей эпоса «Гэсэр» сказителя П. Петрова) // Вестн. Северо-Вост. федерального ун-та им. М. К. Аммосова: Сер. Эпосоведение. 2016. № 3. С. 15–23. URL: <http://epossvfu.ru/эпос3-Николаева-НН.pdf> (дата обращения 30.04.2017).
- Ойунский П. А.* Нюргун Боотур Стремительный / Воссоздан на основе якут. нар. сказаний; Пер. с якут. В. Державина. Якутск: Кн. изд-во, 1975.
- Олонхосуты Якутии: Справ. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2013.
- Путилов Б. Н.* Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М.: Вост. лит. РАН, 1997.
- Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо: основные образы. М.: Наука, 1962.
- Пухов И. В., Эргис Г. У.* Якутские олонхо // Строптивый Кулун Куллустуур: Якутское олонхо. М., 1985.
- Рыбников П. Н.* Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М.: Тип. А. Семена, 1989. Т. 1.
- Эргис Г. У.* Очерки якутского фольклора. М.: Наука, 1974.

Список источников

Дьулуруйар Ньургун Боотур: олонхо. Зап. А. Е. Аржаковым от Н. Я. Татарина из Сотгинского наслега Усть-Алданского района в 1940 г. // Рукописный фонд ИГИИПМНС (Ин-т гуманитарных исслед. и проблем малочисленных народов Севера СО РАН). Ф. 5. Оп. 8. Ед. хр. 72.

Нюргун Боотур. Зап. от Н. Н. Шестакова (Суутта) из Бетюнского наслега Намского района в 1941 г. // Рукописный фонд ИГИИПМНС. Ф. 5. Оп. 8. Ед. хр. 15.

Оросин К. Г. Нюргун Боотур Стремительный / Ред. текста, пер. и коммент. Г. У. Эргиса. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1947.

Слободчиков Г. Е. Дьулуруйар Ньургун Боотур. Дьокуускай: Алаас. 2013.

A. F. Koryakina

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, aitalilen@mail.ru

**The motifs of similarly-named olonkhos “Nyurgun Bootur the Swift”:
stability, variability and improvisation**

The paper compares the plot motifs of the similarly-named Yakut heroic epics “Nyurgun Bootur the Swift” of olonkhosuts (narrators) K. G. Orosin, N. Ya. Tatarinov, G. E. Slobodchikov, and N. N. Shestakov so as to reveal stable, variable and creative motifs and define their functions in creating the new variants of olonkho with the same name. Thus, the author pays special attention to this problem. The olonkho variants by K. G. Orosin, G. E. Slobodchikov, and N. Ya. Tatarinov were investigated. As a result, the following motifs were found to be the most stable: settling the hero in the Middle World by celestials, description of the hero’s homeland, the kidnapping of the women aiyy by the abaasys as the beginning of a conflict, the fight of the aiyy heroes and abaasys in the three worlds, the victory over the abaasys, and the hero’s marriage. Due to these “traditional and typical” motifs, the olonkho plot becomes consistent, logically clear, and complete. Stable motifs compose the plot line and the frame of all variants of the olonkho “Nyurgun Bootur the Swift.” Keeping these stable motives, olonkhosuts make minor changes. Quite common for the epic tradition, the motifs of a horse, bathing of the hero, mutual aid of the relatives can be found in different variants. Thus, some motifs are supplemented and modified, with new motif variations created.

Keywords: heroic epic olonkho, olonkho about defenders of the aiyy, olonkho variants, stable and unstable motives, variations of motives, narrator creation.

DOI 10.17223/18137083/68/2

References

- Astahova A. M. *Byliny Severa* [Russian epics of the North]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR, 1938, vol. 1.
- Emel’yanov N. V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [The plots of Yakut olonkho]. Moscow, Nauka, 1980.
- Ergis G. U. *Ocherki yakutskogo fol’klora* [Essays on Yakut folklore]. Moscow, Nauka, 1974.
- Hilferding A. F. *Onezhskiy byliny, zapisannyye A. F. Gil’ferdingom letom 1871 g.* [Oneza epics, recorded by A. F. Hilferding in the summer of 1871]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR, 1949, vol. 1.
- Ivanov V. N. *Olonkho – unikal’noye yavleniye v mirovoy epicheskoy kul’ture: Monogr.* [Olonkho is a unique phenomenon in world epic culture: monogr.]. Yakutsk, Izd. dom SVFU, 2014.
- Illarionov V. V. *Iskusstvo yakutskikh olonkhosutov* [The art of Yakut olonkhosuts]. Yakutsk, Bichik, 1982.
- Lord A. B. *Skazitel’* [Narrator]. Moscow, Nauka, 1994.
- Nikolayeva N. N. Skazitel’skaya improvizatsiya i variativnost’ v buryatskom epicheskom tekste (na primere raznovremennykh zapisey eposa “Geser” skazitelya P. Petrova) [Narrator’s improvisation and variability in the Buryat epic text (by the example of asynchronous recording of the “Geser” epic by P. Petrov)]. *Vestnik of North-Eastern Federal Univ. Ser. “Epic studies.”* 2016, no. 3, pp. 15–23. URL: <http://epossvfu.ru/epos3-Nikolayeva-NN.pdf> (accessed 30.04.2017).

Oyunskiy P. A. *Nyurgun Bootur Stremitel'nyy* [Nurgun Bootur the Swift]. Vossozdan na osnove jakutskih narodnyh skazanij [Recreated on the basis of Yakut folk epics]. Transl. from Yakut by V. Derzhavin. Yakutsk, Kn. Izd., 1975.

Olonkhosuty Yakutii: Sprav. [Olonhosuts of Yakutia: Ref.]. Yakutsk, NEFU Publ., 2013.

Putilov B. N. *Epicheskoye skazitel'stvo: Tipologiya i etnicheskaya spetsifika* [Epic narration: typology and ethnic specificity]. Moscow, Vost. lit. RAN, 1997.

Pukhov I. V. *Yakutskiy geroicheskiy epos olonkho: osnovnyye obrazy* [Yakut heroic epic olonkho: main images]. Moscow, Nauka, 1962.

Pukhov I. V., Ergis G. U. Yakutskiye olonkho [Yakut olonkhos]. In: *Stroptivyy Kulun Kullustuur: Yakutskoye olonkho* [The obstinate Kulun Kullustuur: Yakut olonkho]. Moscow, 1985.

Reichl Karl. *Tyurkskiy epos: traditsii, formy, poeticheskaya struktura* [Turkic epos: traditions, forms, poetic structure]. Moscow, Vost. lit., 2008.

Rybnikov P. N. *Pesni, sobrannyye P. N. Rybnikovym* [Songs collected by P. N. Rybnikov]. Moscow, Tip. A. Semena, 1989, vol. 1.

Zhirmunskiy V. M. *Tyurkskiy geroicheskiy epos: Izbr. tr.* [Turkic heroic epos: selected works]. Leningrad, Nauka, 1974.